

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XIII ¹⁾.

Армянскій вопросъ.

Изъ массы неразрѣшимыхъ задачъ, составляющихъ восточный вопросъ, самая трудная задача: армянскій вопросъ. Со времени Берлинскаго конгресса на Арменію обрушилась больше всего племенная и религіозная ненависть, однако армянамъ были даны два ручательства за сохраненіе имъ жизни и имущества: одно, законное, берлинскимъ трактатомъ, другое, частное: англо-турецкимъ договоромъ. Останься въ силѣ Санъ-Стефанскій договоръ, турецкое правительство отвѣтственно было бы передъ русскимъ правительствомъ за хорошее управленіе Арменіей. Берлинскій трактатъ эту отвѣтственность уничтожилъ. Въмѣсто этого державы подписали международный договоръ въ Берлинѣ, которымъ обезпечивались армянамъ нужныя для ихъ безопасности реформы. Параграфъ LXI точенъ и спеціаленъ. Глава 16-я Санъ-Стефанскаго договора слѣдующая.

Такъ какъ эвакуація русскихъ войскъ изъ мѣстъ, занимаемыхъ ими, въ Арменіи, которыя должны быть возвращены Турціи, можетъ подать поводъ къ треніямъ, вредящимъ добрымъ отношеніямъ между этими двумя странами, Турція обязуется привести безотлагательно въ исполненіе улучшенія и преобразованія, требуемыя мѣстными условіями провинцій, населенныхъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1914 г.

армянами, и обезпечить имъ безопасность отъ нападенія курдовъ и черкесовъ.

30-го мая 1878 г. меморандумъ, подписанный въ Лондонѣ маркизомъ Салзберри и графомъ Шуваловымъ, гласитъ (№ 7): „обѣщанія, касательно Арменіи, по предварительному условію Санъ-Стефанскаго договора, не должны быть даны исключительно Россіи, но и Англій“.

На германскомъ конгрессѣ, въ засѣданіи 9-го іюля, лордъ Салзберри прочиталъ слѣдующій параграфъ безъ возраженій, „съ согласія уполномоченныхъ Великобританіи и Турціи“:

„Блистательная порта принимаетъ на себя исполнить, безотлагательно, улучшенія и преобразованія, требуемыя мѣстными условіями провинцій, обитаемыхъ армянами, и обезпечить имъ безопасность отъ нападеній курдовъ и черкесовъ. По временамъ, должно быть дано державамъ, наблюдающимъ за ними, знать о томъ, что предпринято по этому поводу“.

Эти слова, принятыя безъ преній, сдѣлались, съ легкимъ измѣненіемъ, 6-й статьей Берлинскаго трактата, оканчивающейся такъ: періодически будетъ сообщено о предпринятыхъ по этому поводу шагахъ державамъ, которыя будутъ наблюдать за ихъ исполненіемъ.

Блистательная Порта, по обыкновенію, ничего не сдѣлала. Параграфъ остался мертвой буквой, никакихъ улучшеній, никакихъ реформъ. Англо-турецкое соглашеніе, навязанное публикѣ, говоритъ Стэдъ, какъ новое и особенное обезпеченіе покровительства Арменіи, обратилось въ главное препятствіе какимъ бы ни было соединеннымъ мѣрамъ въ ея защиту.

Г-жа О. А. Новикова, послѣ побѣды либераловъ въ 1880 г., пояснила въ „Сѣверномъ эхо“ русскую точку зрѣнія, описавъ страданія армянъ, причиняемыя имъ турками.

„Если бы Россія стремилась, въ своей политикѣ, къ увеличенію владѣній, ей было бы весьма выгодно настоящее положеніе вещей.“

„Но Россія не ищетъ присоединенія Арменіи. Въ доказательство чего она желаетъ исполненія параграфа берлинскаго трактата и если бы державы потребовали его исполненія, не было бы причины армянамъ смотрѣть на принадлежность ихъ Россіи, какъ на единственное спасеніе. Будетъ ли новое правительство честно содѣйствовать намъ, заставляя турокъ исполнить свои обѣщанія, или, другими словами, поможетъ ли оно намъ заставить султана уступить настолько своей власти, чтобъ бѣднымъ армянамъ организовать что-нибудь въ родѣ авто-

номин, какъ защиту противъ опустошеній курдовъ и грабежа турокъ“.

На этотъ разъ Гладстонъ не откликнулся на ея призывъ. Онъ былъ такъ озабоченъ тѣмъ, чтобъ заставить турокъ исполнить свои обязательства къ Греціи и Черногоріи, что предоставилъ армянъ самимъ себѣ. Когда армянскіе уполномоченные пріѣхали въ Лондонъ просить защиты ихъ правъ, обезпеченныхъ договоромъ, Брайтъ отвѣтилъ съ рѣзкой прямою, что „Европа ничего для нихъ сдѣлать не можетъ, и Англія также. Поѣзжайте въ Петербургъ и просите русскихъ Вамъ помочь. Они одни могутъ это сдѣлать“.

Но Брайтъ и Гладстонъ не хотѣли помнить, что англо-турецкій договоръ обязывалъ англичанъ, на все время занятія ими Кипра, защищать военной силой Турцію противъ Россіи.

Поэтому дѣло армянъ было въ безнадежномъ положеніи. Берлинскій трактатъ мертвая буква, и единственная держава, которой вмѣшательство могло принести дѣйствительную пользу, лишена возможности это сдѣлать, тѣмъ самымъ способомъ, который очевидно предназначался для обезпеченія реформъ въ Азіатской Турціи. Смѣлая и прямодушная политика была бы очистить Кипръ, передавъ его временно Греціи, пока обѣщанныя реформы въ Фессалии и Эпирѣ совершились бы. Къ несчастію, кабинетъ Гладстона уклонился отъ такого геройскаго поступка. Въ результатѣ англо-турецкій договоръ былъ тридцать лѣтъ препятствіемъ для русскихъ дѣйствій въ защиту Арменіи.

Только внимательно вникнувъ въ этотъ фактъ, можно понять, почему въ 1896 г. политика Россіи въ Арменіи была въ оппозиціи съ политикой, поддерживаемой Гладстономъ, и какъ случилось, что самыя послѣднія письма между Гладстономъ и г-жей Новиковой значительно не носили своего обычнаго дружескаго характера. Хладнокровный читатель убѣдится, что въ этомъ вопросѣ была права г-жа Новикова.

Въ сентябрѣ 1889 г. Ольга Алексѣевна помѣстила въ Цель-Мель газетѣ статью о Критѣ и Арменіи.

Гладстонъ тотчасъ написалъ ей, привѣтствуя возвращеніе ея къ роли защитницы угнетенныхъ восточныхъ христіанъ:

„Хорденъ 16 сентября 1889 г.

„Дорогая г-жа Новикова.—Я радъ, что Вы взяли за критскій и въ особенности за армянскій вопросъ. Эти жестокости въ Арменіи—нашъ позоръ. Если мы не имѣемъ власти

ихъ остановить, мы не должны болѣе братья за дѣло, и похищать Кипръ взаимно;—кража обременительная.

„Если проведу нѣкоторое время въ Лондонѣ, то я надѣюсь быть у Васъ. Вѣрьте моей преданности.

Гладстонъ“.

„Я читалъ „Марію Башкирцеву“, теперь читаю „Преступленіе и наказаніе“. Какъ видите, мой взглядъ обращенъ на Россію“.

Это письмо интересно уже потому, что это послѣднее, въ которомъ говорится безъ тѣни недовѣрія и гнѣва о Россіи и Арменіи. Просьба г-жи Новиковой, получившая согласіе Гладстона, не имѣла однако результата.

Только въ 1895 г. Гладстонъ, повидимому, пришелъ къ заключенію, что нельзя рассчитывать на помощь Россіи армянамъ. Россія, Англія и Франція дѣятельно улаживали критскій вопросъ. Но Арменія далека была отъ брани и пушекъ, для нея ничего не было сдѣлано.

Гладстонъ, какъ всегда, когда хотѣлъ не официально обратиться къ Русскому Правительству, накануне своей прогулки по морю, писалъ г-жѣ Новиковой слѣдующее:

„Хорденъ, 10 января 1895 г.

„Дорогая г-жа Новикова, не хочу отправляться въ Ваше сосѣдство, не воспользуясь адресованнымъ конвертомъ, который Вы были такъ добры, что дали мнѣ. Мы завтра садимся на большой пароходъ; морская вода всегда мнѣ благопріятствовала, и я надѣюсь на нее, какъ на лучшее средство, чтобы избавиться отъ кашля. Въ 85 лѣтъ кашель гость неприятный, который мучить меня послѣдніе десять дней.

„Надѣюсь взглянуть на Петербургъ, но мнѣ говорятъ, что онъ слишкомъ далекъ. Это единственная большая столица, которой я не видалъ. Оба наши правительства (вмѣстѣ съ Франціей) заняты общимъ предпріятіемъ. Значенія для ихъ чести оно не имѣетъ, въ смыслѣ христіанства и долга. Это не будетъ новый Наваринъ! А насколько менѣе значительна была причины Наварина!..

„У насъ было такое же положеніе относительно Греціи и Черногоріи въ 1880 г. Я живо помню отличный образъ дѣйствій Россіи въ этомъ дѣлѣ. Я вспоминаю съ большимъ удовольствіемъ мое знакомство, очень краткое, къ сожалѣнію, съ княземъ Лобановымъ, во время его пребыванія въ Лондонѣ.

Надѣюсь, что его бібліотека процвѣтаетъ. Если Вы когда-нибудь съ нимъ увидите, я бы просилъ Васъ напомнить ему обо мнѣ. Англійскому правительству вполнѣ извѣстны мои чувства, и я надѣюсь, оно не порицаетъ ихъ. Меня очень убѣждаютъ принять общественную дѣятельность, но этого я всѣми мѣрами избѣгаю. Благослови Богъ справедливую политику!..

Искренно Вашъ Гладстонъ“.

„Не скрою отъ Васъ, что въ Англіи упрекаютъ Россію въ нежеланіи сильныхъ мѣръ въ Арменіи.

„Но я надѣюсь, что это не основательно“.

Положеніе Россіи, въ то время, было ясно представлено сэръ Франкомъ Лассель, англійскимъ посломъ въ Петербургѣ въ письмѣ къ лорду Салзберри, отъ 3-го іюля 1895 г., изъ котораго взята слѣдующая выдержка:

„Сегодня днемъ, въ разговорѣ со мной, князь Лобановъ сказалъ, что онъ видѣлъ письмо Гладстона къ корреспонденту, имени котораго нечего упоминать, въ которомъ онъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что видимо есть разниа мнѣній между Англіей и Россіей въ армянскомъ вопросѣ. Князь Лобановъ сообщилъ корреспонденту Гладстона, желавшаго получить отъ него совѣтъ, какъ отвѣчать, что несомнѣнно есть разниа мнѣній между двумя государствами и что Россія, по своему географическому положенію и по количеству армянъ, живущихъ въ ней, не можетъ согласиться ни на какой планъ автономіи въ Малой Азій. Россія всегда была покровительницей христіанъ въ турецкихъ владѣніяхъ, и она была бы счастлива доставить еще болѣе обезпеченія ихъ благосостоянію и жизни, но выгоды собственныхъ границъ не позволяютъ ей пока предаваться челоуколюбивымъ мечтамъ, которыя преобладаютъ, повидимому, въ Англіи; интересы Англіи не могутъ быть такимъ же образомъ затронуты, благодаря ея островному положенію и отдаленности отъ Арменіи.

За три года до своей смерти, Гладстону было въ 1895 г. восемьдесятъ пять лѣтъ, и это былъ предпоследній годъ его политической дѣятельности. Это былъ годъ многихъ памятныхъ событій, говоритъ Стэдъ. Въ началѣ его, Джемсонъ Ридъ вовлекъ въ войну Южную Африку и въ приготовленія къ войнѣ. До конца года, Европа была встревожена и челоучество возмущено избіеніемъ армянъ въ Константинополь. Последнее усиліе Гладстона проявиться послѣднюю рѣчь было побужденіе правительства лорда Розберри рѣшиться, если нужно безъ вся-

каго посторонняго участія, силой принудить султана. Онъ встрѣтилъ препятствіе со стороны лорда Салзберри, отказавшагося отъ лидерства въ партіи либераловъ, указывая этимъ на свое убѣжденіе, что планъ Гладстона вовлечетъ насъ въ Европейскую войну.

Онъ провозгласилъ, что идея, будто бы каждое независимое дѣйствіе съ нашей стороны сдѣлаетъ насъ отвѣтственными за возбужденіе европейской войны, ошибочна и что эта ошибка плачевнѣе всѣхъ когда-либо совершенныхъ въ исторіи дипломатіи. Онъ особенно былъ раздраженъ противъ Россіи, правительство которой, при князѣ Лобановѣ, противилось всякому вооруженному вмѣшательству въ Турціи. Это объясняетъ небывалый тонъ его письма г-жѣ Новиковой.

Гладстонъ очень сердился. Г-жа Новикова писала въ Теймсъ и въ Дели Кроникль въ защиту политики князя Лобанова. На ея письмо къ нему по этому предмету, онъ отвѣчалъ 22 октября 1895 г. „Я буду держаться своего мнѣнія“. Его письмо доказываетъ, говоритъ Стэдъ, какъ больно ему было видѣть торжество султана, но выраженія его письма были таковы, что приводятъ ихъ нежелательно.

Князь Лобановъ былъ непоколебимъ несмотря на упреки Гладстона. Ольга Алексѣевна помѣстила статью въ Обсерверъ, представляя сопротивленіе Россіи вооруженному вмѣшательству во избѣжаніе того, что ея согласіе означало бы войну Россіи съ Турціей, которой неприкосновенность гарантирована Англійей. Но Гладстонъ не успокаивался. 3-го февраля 1896 г. онъ пишетъ ей изъ Біарица: „Я читалъ Ваше письмо въ Обсерверъ. Что касается прежняго времени, Вы знаете мое сильное и нескрываемое признаніе Вашихъ заслугъ. Но относительно несчастнаго армянскаго вопроса я молчу. Очень вѣроятно, что Англія сдѣлалась не популярна въ Арменіи, заслуженно или нѣтъ, это мы вскорѣ узнаемъ. Изъ недавней рѣчи Бальфура я заключаю, что министры намѣрены бросить обвиненіе въ другую сторону. Надѣюсь, что они дадутъ намъ возможность судить. Я знаю одно, что, помимо вины султана, гдѣ-то кроется страшная вина и стыдъ“.

7-го марта Гладстонъ пишетъ г-жѣ Новиковой: „Искренно благодарю Васъ за книгу Бэрбекъ. Думаю, что я ей сочувствую одинаково съ Вами. Въ Лондонѣ есть общество восточной церкви, которое, я полагаю, было бы радо поощрить изданіе сочиненія генерала Кирѣева, если оно одобрено епископами и правоспособными авторитетами.“

„Не могу признать, чтобы Ваши доводы относительно Арменіи меня удовлетворили. Меня огорчаетъ и возмущаетъ поведеніе Европы и плачевное положеніе тѣхъ, которые окажутся самыми главными виновниками этого поведенія,—кто бы они ни были.

„Мы рѣшили ѣхать домой на будущей недѣлѣ и въ Хорденѣ я долженъ быть, скажемъ, 13-го. Мнѣ кажется, что сочиненія Пюрсея въ громадномъ распространеніи. Дѣйствительно это историческое событіе, и мы далеко еще не покончили съ нимъ. Слишкомъ часто тамъ фигурируетъ мое имя.

Преданный Вамъ
Гладстонъ“.

Книга Пюрсея была „Жизнь кардинала Маннинга“.

Въ то время, говорить Стадъ, какъ Гладстонъ представлялъ Россію величайшимъ препятствіемъ къ вооруженному вмѣшательству въ Малой Азіи, довольно странно было видѣть, что турки твердо были убѣждены, что злодѣйства въ Арменіи выдуманы, въ интересахъ Россіи. Въ собраніи мусульманъ въ Лондонѣ былъ симпатичный докладъ о томъ, что—

„Пункты, на которыхъ настаивали и обсужденіе которыхъ велось съ большимъ искусствомъ, заключались въ томъ, что никакихъ достовѣрныхъ фактовъ о злодѣйствахъ въ Арменіи не имѣется; что волненія эти политическія, а не религіозныя; что религію слѣдуетъ устранить изъ вопроса и что русскіе полуофициальные агенты и M-me Olga Novikoff играютъ главную роль въ этомъ дѣлѣ.

Страшное негодованіе произвелъ, въ Западной Европѣ, орденъ Меджидіе, которымъ султанъ наградилъ князя Лобанова. Около того времени г-жа Новикова послала Гладстону статью подъ названіемъ „Souvenirs“, помѣщенную ею въ Nouvelle Revue, и упомянула, при этомъ, объ Арменіи. Въ отвѣтъ на это было получено открытое письмо, въ которомъ Гладстонъ благодарилъ ее за „Воспоминанія“, несомнѣнно весьма интересныя, но объ Арменіи, послѣ ордена князю Лобанову онъ отказывался слово сказать.

Послѣ этого не было обмѣна писемъ до сентября, когда вмѣсто того, чтобы успокоиться, Гладстонъ еще больше горячился, какъ видно изъ слѣдующаго письма:

Хорденъ 1 сентября 1896.

„Дорогая г-жа Новикова. Дѣйствительно цѣлый вѣкъ, и какой ужасный вѣкъ, мы не переписывались.

„Я не сомнѣваюсь въ полномъ нашемъ единомысліи о союзѣ христіанства, этой великой, но отдаленной цѣли.

„Нашимъ предметомъ всегда былъ Востокъ, предметъ дошедшій до самой мрачной ступени и покрывшій Англію не-изгладимымъ позоромъ, писать о немъ я вамъ не могу, въ особенностяхи объ участіи въ немъ Россіи, иначе какъ въ выраженіяхъ, которыя вы, русская, не могли бы читать терпѣливо:

„Дай Богъ, чтобы намъ скоро представились новыя темы для переписки. Мои воспоминанія о Лобановѣ—когда онъ былъ въ Англіи—какъ о самомъ пріятномъ, добромъ и образованномъ человѣкѣ. Вѣрьте моей молчаливой, но искренней преданности.

Гладстонъ“.

Г-жа Новикова отвѣчала, и это было послѣднее ея письмо къ Гладстону.

Маріенбадъ. 9-е сентября 1896.

„Дорогой г-нъ Гладстонъ,—Вы слишкомъ великодушны, разрѣша я мнѣ потерять терпѣніе.

„Помня всегдашнюю доброту Вашу, добраго стараго времени, я не могу ошибочно понять благородную причину, которая руководитъ Вашимъ перомъ. Но Вы, можетъ быть, тѣмъ не менѣе огорчены и я считаю себя обязанной, въ защиту моего отечества, сообщить Вамъ, что произошло на одномъ изъ коронаціонныхъ баловъ: Лобановъ, казалось, искалъ случая поболтать со мной, и мы утѣлись вмѣстѣ на диванѣ. „Я радъ случаю лагодарить Васъ за всѣ Ваши усилія привести къ дружескимъ отношеніямъ Англію и Россію“, сказалъ князь.

„Но, признайтесь“, отвѣчала я, улыбаясь, „что министерство иностранныхъ дѣлъ мало даетъ мнѣ въ этомъ поддержки“.

„Лобановъ сталъ очень серьезенъ. „Вы намекаете на ужасный Армянскій вопросъ“, спросилъ онъ.

„Именно, отвѣтила я твердо“. Но, прервалъ онъ, какъ можемъ мы, русскіе, не звать значенія и важности договора о Кипрѣ, обязывающаго Англію идти противъ Россіи, при каждой опасности, грозящей цѣлости Турціи“.

„Да, это правда, замѣтила я, но въ Англіи существуетъ положительная переѣна мнѣній о святости этого договора“.

„Несомнѣнно“, отвѣчалъ онъ, не думайте, что я такъ мало освѣдомленъ, я знаю все объ этой переѣнѣ къ лучшему, тѣмъ не менѣе этотъ Англо-Русскій договоръ не уничтоженъ: Мо-

жете ли Вы, хотя бы минуту подумать, что, откажись Англія отъ своихъ обязательствъ по этому договору, мы бы не отвѣтили немедленно предложеніемъ иной точки зрѣнія?!!

Насъ перервалъ, подошедшій къ намъ, сэръ О'Коноръ, британскій посолъ. Все, что я слышала отъ своихъ, не менѣе Вашего людей заинтересованныхъ въ христіанскомъ дѣлѣ, я это изложила во французской статьѣ, которую посылаю Вамъ съ этой почтой и которую, я надѣюсь, Вы будете такъ добры, что прочтете. Это маленькая вещь безъ большого значенія, все же прочтите ее; быть можетъ, Вы на минуту надъ ней призадумаетесь“.

„Декларация Чемберлена была новымъ ударомъ для насъ; онъ, повидимому, болѣе чѣмъ когда-либо стремится удержать во владѣніи Англіи Критъ, который Греція приняла бы съ такой благодарностью. Надѣюсь, что Вы будете видѣть нашего Государя, когда онъ пріѣдетъ въ Англію.

Всегда Вамъ благодарная,
Ольга Новикова“.

Гладстонъ, все еще страдая отъ мысли, что его бывшая союзница ему измѣнила, отвѣчалъ 13 сентября съ нѣкоторой ѣдкостью, что давнымъ давно султанъ былъ увѣдомленъ о томъ, что договоръ о защитѣ Азіатской Турціи, по условію Кипрскаго договора, уничтоженъ благодаря нарушеніямъ его обѣщаній о реформахъ.

Г-жа Новикова не отвѣчала прямо Гладстону, но рѣзкость его совсѣмъ ее не убѣдила; неудивительно, что даже огромный престижъ Гладстона не могъ ее убѣдить въ томъ, что Россія не права въ своей сдержанности. Споръ обратился на Англо-Турецкій договоръ 1878 г., посредствомъ котораго Биконсфильдъ похитилъ Кипръ. Лордъ Розберри говорилъ, что договоръ уничтоженъ, но насъ занимаетъ споръ съ Гладстономъ, говоритъ Стэдъ. Читая письмо Гладстона, трудно себѣ представить, какъ онъ могъ, съ другой стороны, утверждать, что Англо-Турецкій договоръ вовсе не уничтоженъ, а въ дѣйствительности давалъ Россіи законную причину для войны. Онъ, такимъ образомъ, излагаетъ дѣло въ статьѣ, помѣщенной имъ въ октябрѣ 1896 г. въ Nineteenth Century:

„Мы имѣемъ право требовать отъ султана немедленнаго исполненія своихъ обязательствъ, согласно нашему договору, и поступить съ нимъ за неисполненіе, какъ по міровымъ законамъ наказываются иныя нарушенія договоровъ

„Мы обязались, передъ лицомъ свѣта, добиться хорошаго управленія для Арменіи и Азіатской Турціи.

„За это обязательство мы получили то, что считали цѣннымъ прибавленіемъ къ территоріи нашего государства.

„Все это мы совершили, не въ согласіи съ Европой, а по личному нашему договору и на нашу личную отвѣтственность.

„Англія можетъ давать за себя самыя торжественныя обязательства при самыхъ стѣснительныхъ условіяхъ, но она теперь претендуетъ на право обратиться къ другому или другимъ лицамъ, къ государству или государствамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ ея обязательствамъ, чтобъ они опредѣлили: должна ли она употребить всѣ имѣющіеся у нея способы, чтобъ ихъ выполнить.

„Если такое правило можетъ быть принято, я почтительнѣйше предложилъ бы старое слово честь вычеркнуть изъ нашихъ лексиконовъ и пропустить на нашемъ языкѣ“.

Гладстонъ могъ быть правъ или не правъ въ этомъ спорѣ, но въ томъ и другомъ случаѣ его доводы очевидное доказательство правильности русскихъ взглядовъ, что договоръ въ полной силѣ и можетъ во всякую минуту служить орудіемъ, оправдывающимъ воинственныя дѣйствія. Не трудно поэтому понять принятое Россіей положеніе. Посудите, что такое англо-турецкій договоръ и къ чему онъ насъ обязываетъ. Г-нъ Томасъ Гибсонъ Больсъ, писавшій въ *Quarterly Review*, весьма легко доказалъ, что съ турецкой точки зрѣнія договоръ въ полной силѣ. Потому, говоритъ онъ, что, единственно въ силу этого договора, Англія занимаетъ Кипръ и управляетъ имъ въ теченіе семнадцати лѣтъ, продолжаетъ и теперь имъ управлять, такимъ образомъ она занимаетъ и управляетъ имъ явно и открыто, не для чего иного, какъ для того, чтобъ дать себѣ возможность выполнить свое обязательство защищать оружіемъ Азіатскую Турцію отъ нападенія Россіи“.

Гладстонъ и Больсъ замѣчательно оппозиціонные туркофиль и туркофобъ, были заодно въ вопросѣ о дѣйствительности договора. Это облегчило полемику г-жи Новиковой. Въ „Таймсѣ“ и „Дели Кроникль“, она энергично защищала политику князя Лобанова отъ нападеній Гладстона и другихъ. Она указывала на то, что лордъ Биконсфильдъ исключительно оправдывалъ англо-турецкій договоръ потому, что онъ обязывалъ насъ и впредь оружіемъ защищать султана, если бы черезъ десять, пятнадцать, двадцать лѣтъ Россія перешла Турецкую границу.

Г-жа Новикова говорила: „Политика князя Лобанова основана на словахъ Биконсфильда: - Хотя произнесенныя въ 1878 году, они дѣйствительны теперь какъ офиціальныи документъ, какъ убѣжденіе англійскаго премьера въ политикѣ, которую Англія, несомнѣнно, приметъ, если бы мы поддержали армянъ оружіемъ, въ этомъ году“.

Лордъ Биконсфильдъ сказалъ:

„Кто бы ни былъ министромъ и какая бы партія ни стояла у власти, положеніе правительства было бы таково... Могли быть колебанія, долженъ быть недостатокъ рѣшимости и твердости, но никто не можетъ сомнѣваться, что въ концѣ концовъ Англія сказала бы: „Этого не должно быть“. Мы должны помѣшать завоеванію Малой Азіи, мы должны принять участіе въ этомъ дѣлѣ“. Никто, я думаю, разсуждающій объ этомъ вопросѣ, не можетъ усумниться, что такова должна бы быть послѣдняя политика.

„Поэтому, продолжалъ онъ, чтобъ устранить всякое сомнѣніе на этотъ счетъ, голосъ Англіи долженъ прозвучать ясно, твердо и рѣшительно „впередъ“. И этого онъ достигъ заключеніемъ кипрскаго договора. „Случайностей“, сомнительныхъ и колеблющихся, не будетъ больше. Англія, разъ навсегда, обязывается защищать Азіатскую границу Оттоманской Имперіи, противъ нападенія Русской арміи во всякомъ спорѣ.

„Это, объявлялъ онъ, новѣйшая политика Англіи, олицетворяемая кипрскимъ договоромъ. Лордъ Салзберри описывалъ этотъ договоръ, какъ предпріятіе „безусловно“ ватѣянное, чтобъ препятствовать всякому захвату Россіей въ Малой Азіи.

„Это откровенно, возражала г-жа Новикова,—значитъ, кипрскій договоръ—документъ, приготовленный для того, чтобы препятствовать Россіи чѣмъ бы то ни было помочь армянамъ. Значитъ, это война Англіи, на морѣ и сушѣ вокругъ всего свѣта, противъ Россіи, если она хотя бы эскадронъ вооруженной полиціи послала бы въ Арменію. И при существованіи этого договора, Вы обвиняете Россію въ томъ, что она не присоединилась къ дѣйствіямъ противъ султана, который защищенъ отъ всякой отвѣтственности за свои инстинкты, полнымъ ручательствомъ „новѣйшей политики Англіи“ при договорѣ и безъ договора, т. е. при реформахъ и безъ реформъ война съ Россіей за всякое прикосновеніе къ Малой Азіи.

„Мнѣ, конечно, скажутъ, да и сказалъ мнѣ уже самъ Гладстонъ, что договоръ не включаетъ въ себѣ требованія покровительствовать злодѣю Арменіи иначе, какъ при условіи ре-

формъ и, что султанъ давно увѣдомленъ о томъ, что за нарушение имъ обязательствъ договоръ теряетъ свою силу.

„Для меня, признаюсь, это новость, и въ Россіи намъ ничего не извѣстно объ уничтоженіи договора съ Англійей. Мы были бы очень рады, если бы официальное сообщеніе объ этомъ фактѣ стало немедленно опубликовано.

„Я думаю, что это успокоило бы совѣсть многихъ людей въ этой странѣ, и въ Европѣ это возстановило бы довѣріе къ Англійи, такъ грубо поколебленное подписаніемъ этого договора. Объясняется наше невѣдѣніе Вашего внезапнаго рѣшенія тѣмъ, что Кипръ, который Вами занятъ и управляемъ единственно въ силу англо-турецкаго договора, все еще въ Вашемъ владѣніи. Уничтоженіе договора тогда только признается вѣрнымъ, когда вслѣдъ за нимъ будетъ эвакуированъ Кипръ.

„Когда это произойдетъ, устранится главное препятствіе къ соединенному побужденію султана и возможно будетъ новое направленіе“.

Въ Дели Крониклѣ г-жа Новикова писала слѣдующее: „Когда я слышу обвиненія Россіи въ томъ, что она не занимаетъ Арменію, я просто удивлялась.

„Англійа могла бы насъ упрекать лишь, если бъ истратила хоть половину того, что за одну войну мы истратили для всѣхъ племенъ Восточныхъ Христіанъ“.

„Неужели Вы забыли о кипрскомъ договорѣ. Неужели Вы не знаете, что Англійа провела линію между Россіей и Арменіей, переступить которую мы можемъ только подъ страхомъ войны, не только съ Турціей, но и съ Англійей, какъ союзницей той самой страны, звѣрскія преступленія которой Вы желаете, чтобы мы прекратили безъ посторонней помощи.

„Договоръ существуетъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ публично уничтоженъ, такъ же публично, какъ онъ былъ тайно заключенъ. Иначе Россія повѣрить Англійи не должна.

„Россіи нуженъ миръ. Она страстно желаетъ, чтобы дали ей вздохнуть, окрѣпнуть безъ угрозы войны и безъ войны. Россія съ радостью приняла бы всякое практическое предложеніе общаго разоруженія Европы при условіи ареста всякихъ дальнѣйшихъ вооруженій; поэтому Россія противится легкомысленному способу нѣкоторыхъ англичанъ, съ какимъ они бросаютъ горящіе факелы на пороховые склады Европы. Но, если мы должны силой преодолѣть упорство султана и дать дѣйствительную гарантію порядочнаго управленія его угнетае-

мымъ подданнымъ, не станемъ рѣшаться на такой рискъ, не имѣя опредѣленной цѣли.

„Поставить всѣ владѣнія султана въ вѣдѣніе европейскихъ комиссій—это стоило бы сдѣлать, но соглашаться на войну, чтобъ улучшить управленіе трехъ провинцій, населенныхъ частью армянами и частью курдами, на границѣ Россіи,—въ этомъ я сомнѣваюсь.

Г-жа Новикова, въ своей статьѣ „Предложенія новаго направленія“, выражаетъ мысль, что стоило бы восточный вопросъ поднять, въ томъ случаѣ, если бы онъ могъ быть опредѣленъ разъ навсегда. Это была послѣдняя ея статья, которую читалъ князь Лобановъ. Въ ней необыкновенно характерно звучитъ струна излюбленнаго ею англо-русскаго сближенія, которая тридцать лѣтъ звучала во всемъ, что когда-нибудь было написано ею:

„Къ несчастью, много трудностей, слишкомъ много давнихъ затрудненій, которыя слѣдуетъ устранить и которыя могли бы быть устранены, если бы помнили, что разрѣшить ихъ безъ помощи Россіи нельзя. Мнѣ иногда востокъ напоминаетъ замки, которые открываются только сложениемъ извѣстныхъ буквъ. Онъ именно такой замокъ, никакой ключъ его не откроетъ, пока буквы не сложатся такъ:

„Я говорю Entente, хотя это иностранное слово, но я его предпочитаю слову союзъ. Entente значитъ доброе согласіе на свободу дѣйствій въ извѣстныхъ зонахъ, содѣйствіе (въ случаѣ нужды) въ другихъ направленіяхъ и всюду доброе товарищество. Союзъ можетъ значить все, что хотите: слишкомъ много или слишкомъ мало. Союзы часто, вмѣсто помощи, приносятъ вредъ. Нѣкоторые союзы заключаются скорѣе для того, чтобы умѣрить пылъ друга, нежели усилить его дѣятельность.

„Entente настоящее слово. Кошутъ описывалъ себя „птицей, вѣщающей смерть“, а я, говоритъ г-жа Новикова, хотѣла бы быть „Птицей, вѣщающей жизнь“,—утренней птицей, летящей съ востока, предвѣстницей мира, надежды, грядущаго благоденствія, и я желала бы, чтобы всѣ, сочувствующіе мнѣ въ моей работѣ въ Англій, помогали бы мнѣ еще больше, чѣмъ прежде, въ дѣлѣ, которое, конечно, не въ моихъ личныхъ силахъ.

„Свѣта, свѣта, больше свѣта, какъ говорилъ умирающій Гете“, вотъ что необходимо, при изученіи такихъ трудныхъ вопросовъ, какъ тѣ, которые волнуютъ Востокъ.

„Ко мнѣ отнеслись довольно строго за то, что я упрекала Англійю въ ея прошлыхъ ошибкахъ, вмѣсто того, чтобъ под-

держатъ ее въ добрыхъ дѣлахъ. Но обвиненія не справедливы. Я напомнила Вамъ о прошедшихъ дѣлахъ, для того, чтобъ особенно отмѣтить мои доводы о признаніи Вами Вашей отвѣтственности въ настоящемъ и въ будущемъ.

„Вы спрашивали: какова политика Россіи? Я отвѣчала: политика Россіи въ томъ, чтобы Англія сдѣлала первый шагъ. Инициатива Ваша, сказала я, Россія же не преминетъ содѣйствовать Вамъ въ каждомъ дѣлѣ, обезпечивающимъ миръ и покровительство несчастнымъ армянамъ“.

„Вотъ Вы сдѣлали первый шагъ. Вы взяли на себя починъ, но съ какимъ результатомъ? Г-нъ Гладстонъ, съ всегдашнимъ безстрашіемъ и прямою, представляетъ яркую картину тене-решнаго положенія вещей. „Я представляю себѣ въ умѣ жалкаго султана развѣвающимъ, торжественно, свой флагъ, а противники у его ногъ, Россія, Франція и Англія“.

„Торжество Его блистательнаго Величества значитъ продолженіе оскорбленій и страшныхъ злодѣяній. Анархія заразительна. Нужна вся власть Русской дисциплины, чтобъ противо-дѣйствовать такому вредному сосѣдству нашего населенія на Кавказѣ. Политическая паника — нездоровая атмосфера; она дѣйствуетъ на нервы соприкасающихся народовъ.

„Простите мою откровенность: иначе говорить не могу. Что доказали послѣднія событія? Полное безсиліе Англіи въ добромъ покровительствѣ подчиненнымъ восточнымъ племенамъ. Колоссальная способность ея дѣлать зло уже была извѣстна издавна.

„Когда она старается перемѣнить политику и хочетъ настаивать на требованіи реформъ у султана, ей это не удается и не можетъ удаться потому что единственное ея орудіе, флотъ, можетъ только быть примѣнимъ въ Константинополѣ, что повело бы къ разрушенію Оттоманской имперіи; а этого всѣ государства стремятся избѣжать.

„Больной человѣкъ, очень боленъ, почти при смерти; пронзивъ его сердце, ему бы нанесли очевидный конецъ, но этого боятся!

„Уничтожить султана значило бы ускорить общую схватку надъ гибелью его имперіи.

„Въ этомъ весь Восточный Вопросъ? Оставить неприкосновеннымъ территоріальное *status quo*, номинальный авторитетъ султана въ Константинополѣ; но есть и другое рѣшеніе вопроса: но подъ эгидой европейской комиссіи надъ всѣми подчиненными провинціями.

„Вѣрная политика должна терпѣть существованіе султана въ Константинополь, примѣняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственно возможную борьбу въ видѣ оккупация тѣхъ провинцій, населеніе которыхъ занимается злодѣйствами надъ христіанами.

„У Англіи нѣтъ арміи, чтобы предпринять такую борьбу, но другія державы имѣютъ всѣ средства для защиты христіанъ.

„Болгарія, съ разрѣшенія Европы, можетъ занять и управлять Македоніей. Франція уже разъ занимала Ливанъ; думаю, что, въ случаѣ надобности, она согласится это повторить, нѣтъ надобности, чтобы сфера ея оккупации ограничивалась Сирійскимъ берегомъ. Россія и только Россія въ состояніи умиротворить Арменію. Говоря откровенно, я бы сказала, что если бы лордъ Салзберри и державы бросили всякую ревность и попросили бы Россію занять Эрзерумъ и Тренизондъ, это быстро водворило бы порядокъ въ Арменіи и научило бы курдовъ уважать волю Европы.

Роль полицейскаго для Европы мало имѣетъ въ себѣ привлекательнаго, но Арменія насъ тревожитъ, и никто другой не можетъ отвѣчать за спокойствіе въ Сасунѣ.

„Пока державы будутъ заниматься протоколами и ираде, ничто не измѣнится къ лучшему, но сцена мгновенно измѣнится въ тотъ день, когда Европейскій полкъ займетъ Турецкую провинцію. Султанъ знаетъ, когда Европа имѣетъ въ виду дѣло, а не болтовню. Если султанъ данъ Богомъ „какъ проклятье человѣчеству“, какъ сказалъ Гладстонъ, то поддерживаетъ его въ злодѣйскомъ владычествѣ зависть Англіи къ Россіи.

Князь Лобановъ читалъ съ большимъ интересомъ статьи г-жи Новиковой объ Арменіи, помѣщенныя въ „Daily Chronicle“, говоритъ Стэдъ, и часто приводилъ ихъ въ дипломатическихъ разговорахъ. По наружному виду ея политика, не первый разъ, казалось, противъ Русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Какъ всегда Ольга Алексѣевна была вѣрна традиціонной роли Россіи, какъ покровительницы христіанскаго Востока. Въ своей оживленной полемикѣ г-жа Новикова говорила: Если Гладстонъ, сурово относившійся къ Кипрскому договору, выставляетъ его теперь причиной единоличной борьбы Англіи съ Турціей, Русскіе не могутъ смотрѣть на него какъ на несуществующій. Договоръ этотъ всегда былъ незаконнымъ и противорѣчилъ существующимъ договорамъ; но Англія была связана имъ, добровольно связана, и не избавится отъ этого обязательства, пока надъ Кипромъ вѣется Англійскій флагъ. Дѣло, однако, хуже, чѣмъ мы думали, мы полагали, что Гладстонъ, по крайней

мѣрѣ, смотрѣлъ на эту сдѣлку какъ на пустую шутку, ничего не стоящую, хотя творецъ его лордъ Салзберри видѣлъ въ немъ дѣйствительность, теперь мы узнаемъ, что и Гладстонъ придаетъ ему значеніе и силу, такъ что онъ можетъ служить основаніемъ для вмѣшательства Англіи въ Турецкія дѣла.

„Если это такъ, то *casus belli* прстивъ Россіи, со стороны англійскаго правительства, готовъ, если та станетъ защищать Арменію безъ опредѣленнаго мандата всей Европы. Въ договорѣ этотъ пунктъ категориченъ.

„Иногда кажется, что Англія забываетъ свои обязательства, не только къ Арменіи, но даже къ султану. Я часто слышу возгласы: „Смѣшно говорить, что Англія обязана защищать султана, ибо это былъ договоръ, основанный на необходимыхъ реформахъ; но несоблюденіе этихъ реформъ измѣняетъ характеръ всего условія.

Отчего же договоръ этотъ формально не уничтоженъ?

„Въ случаѣ спора объ этомъ важномъ вопросѣ, нѣтъ надобности обращаться къ авторитетамъ, а лишь къ документу

„Англичане забыли, кажется, текстъ этого договора. Вотъ главные его параграфы. Ни одинъ честный человекъ, прочитавъ ихъ, не можетъ не придти къ заключенію, во-1-хъ, что обязательство Англіи состоитъ въ поддержкѣ оружіемъ силъ султана, при защитѣ его Азіатскихъ границъ отъ Россіи, а занятіе Кипра разрѣшено султаномъ взаимнъ обѣщанія его защищать.

Вотъ самый текстъ: „Ея Величество Королева и Его Императорское Величество, взаимно одушевленные искреннимъ желаніемъ укрѣпить и распространить, къ счастью, уже существующую дружбу между обѣими Имперіями, рѣшили заключить оборонительный договоръ, съ цѣлью охранять въ будущемъ, Азіатскія территоріи Его Величества султана. Ихъ Величества избрали своихъ уполномоченныхъ, которые должны слѣдовать слѣдующимъ правиламъ:

„Ст. 1. Если Россія удержитъ въ своемъ владѣніи Батумъ, Ардаганъ или Карсъ или въ будущемъ Россія будетъ пытаться завладѣть какой бы то ни было территоріей Его Величества султана, установленной послѣднимъ мирнымъ договоромъ, Англія обязуется защищать права султана силой оружія.

„Взаимнъ, Его Величество султанъ обѣщаетъ Англіи произвести необходимыя реформы, на счетъ которыхъ вырабатываются условія между обѣими державами, для покровительства

христіанамъ и другихъ подданныхъ Порты въ этихъ владѣніяхъ.

„А для того, чтобы Англія могла приготовить нужные запасы для выполненія своихъ обязательствъ, Его Величество султанъ согласенъ на занятіе и управленіе англичанами острова Кипра.

„Ст. 2 говоритъ о ратификаціи въ мѣсячный срокъ“.

Договоръ подписанъ въ іюль 1878 г. 1-го іюля появилось прибавленіе, послѣдній параграфъ котораго слѣдующій:

„Если Россія возвратитъ Турціи Карсъ и другія завоеванные ею въ Арменіи мѣста, за послѣднюю войну, англичане эвакуируютъ островъ Кипръ и договоръ 4-го іюня уничтожается.

„Не подлежитъ никакому сомнѣнію, принимая во вниманіе статью прибавленія, что если бы Россія возвратила что-нибудь завоеванное, Кипръ будетъ возвращенъ Турціи, вмѣстѣ съ тѣмъ это ясно доказываетъ, что занятіе Кипра, не касалось реформъ.

„Россія, слѣдовательно, обязана признавать фактъ, что пока Вашъ флагъ развѣвается надъ Кипромъ, договоръ не уничтоженъ и при первой серьезной попыткѣ отмстить за злодѣянія въ Сасунѣ, султанъ немедленно пріобрѣтаетъ право, въ силу кипрскаго договора, призвать на помощь британскую армію и британскій флотъ въ защиту своихъ владѣній.

„Я бы желала, чтобъ мнѣ пояснилъ Гладстонъ или другой англійскій сановникъ, какую точку зрѣнія можетъ имѣть Россія, кромѣ той, которой придерживается и высказывается князь Лобановъ, а именно:

„Что Англія связана по рукамъ и по ногамъ обѣщаніемъ помогать султану при малѣйшемъ шагѣ со стороны Россіи. Занятіе Кипра было уступлено съ намѣреніемъ, чтобъ Вы успѣли сдѣлать нужныя приготовленія для защиты Турецкой Азіатской границы отъ Россіи и больше ни для чего.

„Это обѣщаніе не касается реформъ, обѣщанныхъ султаномъ въ награду за обязательство защищать его вполне и безостановочно, безъ всякихъ условій присоединить Ваши войска къ его войскамъ для защиты его границы отъ Россіи.

„И что Вы остаетесь связанными Вашимъ договоромъ помогать Турціи противъ Россіи все время, что Вами занятъ Кипръ, каковы бы ни были неисправности со стороны султана въ совершеніи реформъ“.

„Этотъ кипрскій договоръ объясняетъ многое; я не думаю, чтобъ сдержанность князя Лобанова иначе была намъ даже понятна.

Будемъ надѣяться, что ужасы послѣднихъ событій заставятъ англійское министерство иностранныхъ дѣлъ наконецъ отказаться отъ своего упорнаго туркофильства.

Е. С. М.

